

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНАШЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ АФОНСКИХ ТРАДИЦИЙ:
ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО
Екатеринбург, 27–29 мая 2016 года

АРХИМАНДРИТ ЕЛИСЕЙ,
игумен монастыря Симонопетра, Святая Гора Афон

«Уединение и одиночество монаха в общежительном монастыре»

Досточтимые владыки,
преподобные игумены и игумении,
дорогие братья и сестры,

Христос воскрес!

Мы согласились участвовать в настоящем монашеском собрании, желая ответить на любезное приглашение митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла и таким образом внести свой вклад в празднование тысячелетнего пребывания русских монахов на Афоне. Однако ранее взятые нами на себя обязательства не позволяют нам присутствовать на конференции лично и потому наш доклад зачитает иеромонах Авраамий, настоятель келии святого Модеста на Святой Горе. Пока мы не перешли к докладу, я хотел бы выразить всем вам свое глубокое уважение, братскую любовь и благопожелания.

Тема доклада, «Уединение и одиночество монаха в общежительном монастыре», немаловажна для монашеской жизни, как внутренней, так и внешней, то есть связанной с трудами на послушании.

Общежительный монастырь представляет собой соединенных в одну семью *рассеянных чад Божиих* (Ин. 11, 52), где каждый служит ближнему с расположением и любовью. Это не сожительство индивидуумов, не имеющих друг к другу никаких чувств, но совместное шествие людей, которые желают составлять одно тело, радуются духовному преуспеванию своего брата, единым сердцем и устами поклоняются и служат Богу, Который является главой тела Церкви и любого церковного и монашеского собрания.

Уединение — это состояние, в котором нуждается любой человек, потому что Бог создал нас таким образом, чтобы мы могли беседовать с Ним наедине. Если человек имеет возможность уединиться, он может говорить с Богом *лицом к лицу* (Исх. 33, 11).

Впрочем, Церковь никогда не считала уединение несовместимым с жизнью в общине, в семье общежития. Общение — это та ступенька, которую монах должен пройти, чтобы подняться до жизни в уединении, а уединение — это совершенное общение с Богом.

Возможно, некоторые считают, что монах — это человек, который отделен от жизни в обществе и следовательно, не может быть назван человеком социума. Однако это не так.

Люди в миру по видимости составляют общество, но они заняты собой, повседневными делами и заботами о мирских делах. Они тщетно пытаются настигнуть постоянно исчезающие и преходящие предметы жизни сей.

Монах же подлинно живет в обществе с другими людьми, он неразделен с ними. Конечно, сколько будет таких людей — это уже выбор самого человека, их может быть пять, может быть пятьдесят. Но монах всегда связан с окружающими людьми, и это очень важно, потому что правильное, подлинное общение — это условие духовной жизни. Подобное истинное общение происходит, когда монах несет послушания, и в особенности — когда он молится вместе с братством за богослужением. Если человек серьезен, молчалив и не ищет иного общения, кроме послушания и богослужения, то доказывает, что он мудр. Молясь за богослужением, человек пребывает вместе с Богом, святыми и всем творением. За богослужением человек ощущает себя членом общего тела, чувствует покаяние и тепло, которое дает ему служба, а тогда, конечно, ему становятся ненужными внешние радости и развлечения. Он чувствует и опытно переживает, что он един со всей Церковью и пребывает в единстве также и с ближними.

Человек, который не может ощутить боль и радость ближнего, исполнять его желания, в мире идти с ним рядом, человек не принимающий других, замкнутый (конечно, имеется в виду замкнутость психологическая, а не духовное состояние уединения), — такой человек не может ни молиться, ни пребывать в трезвении, ни быть единым с Богом.

Трезвение, которое с внешней стороны кажется принадлежностью лишь самого строго уединения, на самом деле не может совершаться монахом в одиночку, без призывания Святого Духа. Трезвение ума, бодрствование — это преимущественно делание нашего духа, «преследование» Духа Святого, следование за Ним, то есть это самое высшее делание, дарованное человеку Богом. Наш ум, дух, приближается к Богу и соединяет нас с Ним.

Таким образом, трезвение — это приобщение Святому Духу, главное дело и подвиг монахов как апостолов. Ведь кто такой апостол и что за служение он несет? Апостол — это человек, увидевший Бога и призванный Им, человек, в котором действует Бог. Апостол, как богоносец, передает Бога другим людям. Именно в этом суть монашеского жительствова.

Трезвение осуществимо в уединении, но в то же время трезвение — это внутреннее общение, подлинная беседа монаха с Богом, если можно так сказать — таинственное выражение любви Бога к монаху и монаха к Богу. Трезвение тем самым представляет собой высочайшее проявление

причастия божественного естества, как говорит апостол (см. 2 Пт 1, 4), и наиболее доступно в жизни отшельнической, безмолвнической. Отшельническая жизнь восхищает нас, к отшельникам тянутся, все мы хотим ощутить исходящий от них божественный свет, хотим чтобы и нас осиял этот свет и благодать, которую они имеют, хотим услышать советы, изрекаемые как бы Божиими устами, хотим поклониться им как Христу. Это было и в древние времена, это происходит и сейчас, с современными святыми. Кто для нас самые любимые святые? Конечно, отшельники.

Как мы ощущаем, эти святые люди, подвижающиеся в безмолвии, обладают полнотой общения со Святым Духом и просвещены Им, и мы чувствуем, что они понимают нас и открывают для нас наше подлинное «я», наши грехи или добрые наклонности.

Правильно ли монах пользуется своим уединением, можно узнать по некоторым признакам: если у него есть радость, уважение к другим людям, готовность помочь и внутренний мир. То, насколько истинны эти качества, показывает любовь монаха к ближним и то, что его сердце открыто и «совершенно естественно и искренно», как говорит старец Эмилиан. Он принимает ближнего таким, какой он есть, не заводит особенной дружбы с какими-то людьми, не интересуется немонашескими занятиями и предметами, не делает замечаний братьям, не наносит ран сердцу ближнего, не ведет себя едко, иронично, упрямо или пренебрежительно по отношению к ближнему, не поступает ему назло, не спорит, трудится не покладая рук, но при этом не ропщет, без огорчения принимает перемену послушания, передает свою радость братству и способствует единству между братьями.

Такой монах на общем поприще христианского подвига ведет свою брань, подражая Христу по мере, данной каждому.

В идеале монах должен сохранять подлинное уединение, находясь в обществе братьев. Для этого он должен соблюдать ряд условий, приложить труд. Некоторые из этих условий мы уже упомянули, опираясь на старца Эмилиана, а теперь рассмотрим их более подробно.

И первое условие – это почтительность к ближним и со стороны ближних. Старец Эмилиан подчеркивает, что все мы желаем чувствовать поддержку среди окружающих, мы не можем нормально жить, если ощущаем, что ближние нас не любят, не уважают, с нами не считаются, нас не почитают и не признают. Но для того, чтобы нас любили и не оскорбляли, нужно себя достойно вести. Уважение ближних нужно заслужить. Нужно вести себя так, чтобы ближние не могли сказать нам что-то оскорбительное. Будем открытыми, радостными людьми, но будем предстоять перед Богом и правильно вести себя по отношению к людям.

Обычно неуважительное поведение другого человека по отношению к нам, его нежелание общаться с нами бывает признаком, что мы сами дали ему повод. Мы показываем, что не любим его, не желаем ради него принести себя в жертву, потрудиться, не ведем себя уважительно. Монах,

живущий в монастыре, в сообществе братьев (а монастырь — это прежде всего сообщество святых, и только затем — община), преодолевает земное и человеческое и шествует *непорочный в пути* (Пс. 117, 1), непорочный при любом общении с другими людьми, как говорит апостол (см. 1 Пт. 1, 15).

Хочет монах в своем общении с людьми и Богом быть настоящим монахом? Тогда он старается не завидовать, жить незаметно, так чтобы его голос не был слышен повсюду, не противоречить, не жаловаться, не заявлять о своих правах, и когда что-то с ним происходит, приписывать вину себе. «Я достоин всего того, что терплю в своей жизни», — говорил один старый монах.

И хотя обыкновенно мы склонны оправдываться, Господь судит иначе. Он принимает во внимание то, что думает о тебе твой ближний. Старец Эмилиан утверждает: «Бог спросит о тебе мнение твоего брата, а тебя спросит мнение о брате».

Монах должен также позаботиться о распределении своего времени. Авва Исаия наставляет, что послушание не должно стать поводом пренебрегать духовной жизнью, молитвой в келье и на богослужении. Работа не должна отнимать время от богослужения и чтения, в монастыре каждый обязан жить духовной жизнью. Монах должен трудиться на послушании с усердием, но работа не должна отнимать у него все его время и забирать все телесные силы, так чтобы после он уже не мог прилежаться духовным занятиям.

Кроме того, очень важно молчание и правильное поведение с другими людьми. Как опять же упоминает старец Эмилиан, молчание и соблюдение некоторой разумной дистанции — вот что связывает и сближает людей, в то время как разговоры, многословие и частые встречи разъединяют. Духовная жизнь предполагает, что наши встречи с братьями происходят лишь на послушании и богослужении или, реже, при личных назидательных беседах друг с другом.

Общая работа, то есть те послушания, которые исполняет все братство сообща, накрепко соединяет людей. И, напротив, постоянное общение друг с другом, разговоры, особенно наедине, в кельях, нас разлучают. Тогда мы погружаемся во тьму и передаем друг другу уже не Бога, но собственное «я», что создает между нами разделение и размежевание, а затем вступает в дело эгоизм, который разрушает все доброе.

В правильном уединении наш дух пробуждается, воскресает и призывает Духа Святого. Как зеркало, на которое попадает свет, сразу преображает все в свет, так и дух наш изменяется, лишь только на него попадает луч духовного света. Это соединяет нас с Богом и с ближними.

Противоположный полюс монашеского уединения — замкнутость. Замкнутость бывает показателем того, что человек любит не Бога, но самого себя.

У замкнутости много причин, нередко она связана с психологическим устройством человека, склонного к обидчивости, или с телесными болезнями и немощами, или с характером, или с чувством собственной неполноценности. Она может возникать оттого, что человек перекладывает вину на других, может зависеть от обстоятельств, однако глубинная причина все же кроется в сильном самолюбии, за которым следует эгоизм со всеми последствиями.

Симптомы известны и их множество. Это ропот, леность, подозрительность, критика ближних, непослушание, отстаивание своего мнения, стремление больше других подвизаться в посте, молитве и прочих подвигах, пренебрежение к жизни общежития, преувеличенная приверженность к формальной стороне устава и обряда, уныние, скрывающееся под маской молчаливости, защита справедливости и прежде всего сопротивление в ответ на советы и замечания. Все эти признаки свидетельствуют о недостатке смирения и сильно развитом самолюбии.

В толковании на авву Исаию старец Эмилиан приводит один пример и рассуждает:

«Рядом со мной работает брат. Он хорошо работает или плохо, сам он хороший или плохой? Если ты дашь ему какую угодно оценку, то тут же потеряешь Бога. Если ты судишь о нем как о хорошем, то после против тебя вооружится помысел, ты почувствуешь разочарование или свою неполноценность и будешь считать Бога повинным в этом. А если ты поставишь ближнего ниже себя, то впадешь в эгоизм. Вот так: судишь человека и теряешь Бога.

Мнение, которое мы имеем о ком-либо, даже просто помысел о нем, становится отправной точкой, причиной нашего разобщения с этим человеком. Тогда мое общение становится разобщением, замкнутостью, в то время как монашество — это общение. Лишь только я противопоставлю себя какому-то человеку, рассуждая или размышляя о нем, тут же воздвигаю неприступную стену между ним и мною. С этого дня я разлучаюсь с братом, а затем и с братством.

Обыкновенно в своих суждениях мы всех считаем никуда не годными: этот плохо работает, этот не молится, тот не имеет веры, у другого нет любви, нет упования, нет Бога, нет нравственности, у того с головой не в порядке, он не любит Бога. Позволь помыслам действовать в своем уме хотя бы самое малое время — и твой ум может стать местом множества крушений, потому что невозможно, пустившись в рассуждения, не счесть других ни к чему не годными. И даже если ты не знаешь всех худых сторон человека, их отыщет сатана».

Замкнутые монахи, как раз по той причине, что им не удается наладить отношений с Богом и людьми, то есть они не преуспевают в самом важном для них занятии, пытаются создать о себе доброе представление и создают некоего самоидола, что позволяет им оправдаться с внешней стороны и

заглушить голос и укоры совести. Вместо того чтобы смириться и тем самым привлечь благодать Божию, такие люди, как правило, стремятся уйти от чувства своей неполноценности при помощи непосильных подвигов или «уединения» и «безмолвия».

Нередко среди монахов встречаются люди, которые подвизаются только для того, чтобы наслаждаться созерцанием Бога: они или больше молятся по четкам, или постятся. Но они терпят крушение, потому что Бог не может сделать для них ничего. Они отстраняют от себя Бога, становятся притягивающей силой для греха, отчаяния, а в итоге – впадают в прелесть, руки сатаны. В особенности же они впадают в нерадение и развращенность, так что с высоты своей «святости», на которой, по их расчетам, им должен встретиться и открыться Бог, ниспадают в глубочайшие пропасти греха. Это известно нам из житий святых и примеров из современной действительности.

На основании этого краткого обзора, обусловленного рамками доклада, можно сделать вывод о том, какое значение имеет единство, подлинное общение монахов между собой, что такое правильное уединение и губительная замкнутость.

Когда мы ощущаем себя единым телом с ближними, как любящие и уважающие друг друга братья, когда мы не вмешиваемся в жизнь ближнего, а он — в нашу, тогда чувствуем мир, уверенность, свободу. Тогда ближний не становится помехой в нашей жизни, мы не боимся его присутствия, а он — нашего. Мы спокойно строим свою жизнь, мы искренни, любим работать и молиться.

Напротив, когда происходит разлад в отношениях между двумя или более людьми, эти люди не могут ни молиться, ни читать. Бог теряется из поля зрения человека, когда потерян ближний. Место из Писания, где говорится: *«Если ты не любишь брата своего, то как возлюбишь Бога?»* (См. 1 Ин. 4, 20) — очень верно, потому что человек — это нечто зримое. Если твои отношения с братом всегда на грани разрыва, то как ты можешь думать, что любишь Бога? Если ты не можешь общаться с тем, кого видишь, кто говорит с тобой и с кем говоришь ты, у кого есть сердце, немощи, то как же ты будешь общаться с Богом? Если ты не можешь сострадать брату, как тебе сострадает Бог, то как возлюбишь Бога?

И более того, разлад в человеческих отношениях — состояние совершенно неестественное. Как невозможно представить, что моя правая рука не работает вместе с левой, что глаза не смотрят вместе, а ноги вместе не ходят, подобным образом неестественно разделение членов одного тела Христова. С того момента, как в наши отношения входит разлад, все идет кривь и вкось, всё мы воспринимаем превратно и пропасть становится все больше и больше.

Поэтому все отцы-аскеты полагают наше отношение к ближнему как основание и условие нашего единения с Богом, как прочную основу существования духовной жизни и как доказательство нашей любви к Богу. Ближнего мы должны вместить в свое сердце, должны уметь с ним работать и общаться. Все, что расстраивает наши отношения с ним, должно быть устранено, потому что это непременно расстроит и нашу связь с Богом.

Уединение по Богу, жизнь в келье,— вот что доставляет пищу для души человека, позволяет ему наладить гармоничные отношения с ближними. В свою очередь правильные отношения с ближними создают хорошие предпосылки для уединения по Богу, так что одно поддерживает другое.

Обобщим сказанное в немногих словах. Если мы щепетильно соблюдаем монастырский распорядок дня, то есть исполняем свое правило, молимся за богослужением, служим братьям со смирением и ревностью, по силе творим молитву и следим за своим умом и языком, так чтобы нам не пустословить (потому что обыкновенно наши слова и разговоры — это удары мечом, которые разрубают духовные связи и убивают нашу любовь), если мы отдаем свое сердце, как говорит авва Исаия, «в послушание отцам своим», если мы любим смирение и предпочитаем покой ближнему своему покою, стремимся к миру и прощаем других, независимо от своих душевных или телесных немощей, характера и обстоятельств, тогда наш путь духовен и совершается по Богу, и нам не грозит пагубная замкнутость и прелесть. Тогда наша молитва в келье будет открывать для нас небо и Царство Небесное, тогда благодать Божия вселится в нас.

Это означает, дорогие отцы и братья, что в своей жизни в общежитии, в нашем поведении в обществе, мы должны стараться со всеми хранить мир. Если монаху не удастся наладить отношения с братьями, он никогда не сможет установить связь ни со святыми, ни с ангелами, ни со Святой Троицей. Если же монах следит, чтобы его поведение с братьями было безукоризненно, то и они всегда будут чувствовать себя рядом с ним спокойно, уверенно, у них будет духовное чувство радости, тепла, просвещения даже просто от присутствия такого человека.

Целительное средство для этого никогда не устаревает и называется самоотречением, подражанием Христу и следованием за Ним; это образ, икона непорочного Христа, соединяющая в себе уединение и пустыню, общение и любовь, послушание и самопожертвование, крест и смерть, дающая залог воскресения, нетления и невечернего Царства.

И наконец, оценим сказанное духовно, станем выше зримого, не будем смотреть на вещи с гуманистической или психологической точки зрения, как диктуют нам наши грехи и беззакония. Жительство и общение братьев в общежитии, повседневная действительность, сложная или простая, суетная или беспопечительная, спокойная или порой весьма бурная, — это призвание святое, призвание к братскому единодушию, это собрание и

торжество с ликами ангелов и святых, которые всегда хранят и оберегают монастырь, это трон Бога, Который желает уже сейчас показать Своим чадам глубины Царства Божия, *безвестная и тайная премудрости* Своей (Пс. 50, 8), желает разжечь в них желание удостоиться стяжать и ощутить это Царство.

Для монахов такое ожидание Царства – это их жизнь, их любовь, мольба, страсть, их настоящее и будущее.